

“Честно говоря, когда Аяка-сама повел всех членов клана Сенджу в атаку на передовой
“Честно говоря, когда Аяка-сама повел всех членов клана Сенджу в атаку на передовой и хотел прикрыть наше отступление, все негодование и нежелание уже растворились в воздухе”.

“Даже сейчас я все еще помню, что когда люди, которых привела Аяка-сама, умирали один за другим, этого было достаточно, чтобы кто-то заплакал и умолял ее забрать их. Однако, Аяка-сама сказала только одно предложение, и клан Сенджу никогда не предаст союзников, которые верят в нас! Прежде чем наш клан Сенджу умрет, клан Узумаки должен жить! В противном случае, даже если бы она умерла, она не смогла бы объяснить это Хашираме-сама и Тобираме-сама. Сказав это, он повел последнего человека и снова выбежал.”

“Следовательно, клан Сенджу не подвел нас! Вместо этого, это мы вытащили Аяку-саму и остальных. Иначе они бы так не поступили”.

Пока он говорил, этот сильный мужчина внезапно разрыдался.

Мужчинам нелегко плакать, но они и не грустные.

Он тоже не хотел быть таким ‘позорным’, но как бы сильно он ни бил себя в грудь, он не мог остановить слез.

Хару тоже замолчал, его ногти глубоко впились в плоть.

Ненависть в его сердце к самому себе и холодности и безразличию Конохи стала еще глубже.

Когда двое людей перед ним наконец успокоились, Хару спросил: “А потом?”

Его голос был таким сухим и хриплым, что ему стало немного не по себе.

Затем он услышал, как Ашина сказал: “Когда Аяка-сама тоже была серьезно ранена, мы рисковали нашими жизнями, чтобы вернуть ее. Мы хотели забрать ее вместе, но Аяка-сама не позволила нам этого сделать. Она настояла на том, чтобы остаться, чтобы прикрыть тыл.”

“Затем, в это время, она сказала, что он подвел Цунаде-саму и Наваки-саму. Она больше не могла оставаться рядом с ними. Она сказала, что Мито-сама должна гордиться ею как дочерью, то есть она больше не может выполнять свой сыновний долг...”

“В конце она также сказала, что больше всего в жизни сожалеет о том, что не может снова увидеть одного сопляка. Она не знает, каким он был все эти годы. Он был разборчив в еде? Будет ли он взбивать одеяло, когда ложится спать ночью? ”

“Больше ничего не говори!”

Хару внезапно прервал Ашину и повернулся так быстро, как только мог. "Извини, я отлучусь ненадолго".

Через несколько минут Хару, наконец, вышел. Кроме нескольких пятен от воды на его теле, казалось, не было никаких изменений.

Однако дотошный Узумаки все равно заметил, что его глаза немного покраснели. Ему следовало просто промыть их.

Хару снова сел и жестом попросил Ашину продолжать.

Ашина также знал, что то, что он только что сказал, было слишком вредным для молодого человека перед ним, поэтому он пропустил эту часть и сказал: " В то время мы думали, что обязательно поможем Аяке-сама исполнить это желание и спросим об этом". Только тогда Аяка-сама с улыбкой на лице назвал нам имя этого вонючего отродья, Сенджу Хару.

"Хотя мы живем здесь уже более четырех лет, мы никогда не забывали это имя. Мы готовы покинуть это место, чтобы поискать того Сенджу Хару, когда дети немного подрастут. Мы хотим, чтобы дух Аяки-сама на небесах знал, что ты все еще жив и что тебе живется очень хорошо. "

"Я просто не ожидал, что перед тем, как мы отправились на твои поиски, ты сначала пришел сюда, чтобы найти нас. Возможно, это руководство Аяки-сама в темноте".

История, наконец, была закончена. Глаза Ашины и Симы смотрели на Хару с чрезвычайно сложными эмоциями. В них были вина, любопытство и печаль.

Хару также позволил себе постепенно оправиться от своих прежних эмоций.

После долгого молчания Хару снова спросил: "Что ты сейчас думаешь о Конохе? Разве ты не ненавидишь их за то, что они бросили своих союзников и не помогли им?"

Они посмотрели друг на друга, а затем Юри сказал: "Очень долгое время мы были крайне обижены на Коноху. Но после этого мы все обдумали. Именно потому, что мы верили в Хашираму-сама и Тобираму-сама, мы ни о чем не заботились и помогали Конохе любой ценой."

Следовательно, на самом деле нашим настоящим союзником является клан Сенджу. Когда клан Сенджу все еще удерживает власть над Конохой, нет необходимости проводить между ними очень четкое различие.

Нет разницы между помощью Конохе и помощью клану Сенджу.

“Но когда Хаширамы-сама и Тобирамы-сама больше не будут здесь и потеряют контроль над Конохой, тогда отношения между Конохой и кланом Сендзю будут полностью разделены и их больше нельзя будет смешивать”.

“Следовательно, мы, клан Узумаки, больше не имеем ничего общего с Конохой. Мы не можем говорить о ненависти. Мы просто надеемся, что в этой жизни у нас не будет ничего общего с Конохой!”

Только тот, кто отказался от Конохи, мог сказать такое.

Была поговорка, что горе сильнее смерти!

Гнев был вызван тем, что ему все еще было не все равно, но если он больше не хотел ни во что ввязываться, это означало крайнее отвращение!

Однако, учитывая их текущее состояние, Хару не смог сообщить им цель своей поездки.

Если бы они хотели отомстить, это было бы просто.

Будь то Киригакуре или Коноха, он мог бы использовать это как точку опоры, чтобы убедить их.

Однако у другой стороны не было такой идеи. Он не мог просто подойти и сказать: “Я отомщу за тебя. Давай вместе уничтожим пять больших стран!”

Конечно, так легко сдаться было невозможно.

Только что он просто спросил. Люди, скрывающиеся здесь, клан Узумаки, в основном состояли из своих семей. Большинство из них были детьми и женщинами. Многие мужчины остались позади во время последнего отступления и погибли в бою.

Но даже в этом случае было сформировано более 30 боевых отрядов!

Кроме того, очень многие из будущего клана Узумаки еще не созрели. Когда эти дети вырастут, они определенно смогут воспроизвести героический облик клана Узумаки и Биджуу на боевой арене!

Следовательно, он не мог просто так сдаться. Ему пришлось найти другой способ.

Но если бы он действительно не смог убедить их, Хару не сделал бы ничего необычного. Возможно, позволить им жить здесь вечно тоже было выбором.

Однако, как раз в тот момент, когда Хару думал о том, как открыть рот, то, о чем он беспокоился раньше, наконец произошло.

На фоне хаоса снаружи вбежал мальчик лет десяти и закричал: “Папа, мама, это плохо. Бог моря ворвался в деревню и попросил нас выдать чужаков, которые только что вошли в деревню!”

Пока он говорил, он с любопытством оценивал Хару. Он не понимал, как такой новичок, как он, оскорбил Бога моря.

Ашина и Шима были так же озадачены, и они не могли не спросить об этом, чтобы понять, что происходит.

Хару ничего не скрывал и прямо объяснил весь процесс, как он преследовал тень под водой и как он вошел.

Ашина мгновенно потерял дар речи. Поскольку он встревожил Бога моря и подошел так быстро, то тень, о которой ты говорил, должно быть, Канна-сама. Это немного хлопотно.

<http://tl.rulate.ru/book/103904/4093270>